

Содержание

Вхождение	5
Тараканы	16
Случай на узловой станции	25
Кальвария (<i>Карпатская быль</i>)	35
Покров	46
Связь	58
Заступница	82
Ангел	90
Таинство	105
Старое	114
Из жизни Николая Петровича	126
Ночь славянских фильмов	133
Гентский алтарь	150
Бременские музыканты	162
English as a second language	176
Все люди умеют плавать	185
Сплав	200
Мещёра	223
Печаль	233
Жара	243
Воспоминанье	252

Паломники	263
Дискриминант	278
Запах страха	286
Партизан Марыч и Великая степь	303
Еврейка	320
Сектор Е	331
Чистая Муся	341
Как ловить рыбу удочкой	349
Сочельник	364
Чара	388
Тутаев	401

Вхождение

Зимой на пасеке укладывались рано. Немой дождался, пока все уснут, вышел из дому и побрел через засыпанный снегом луг к разъезду. За полночь он сел в поезд и поздним утром приехал в город. Существует предубеждение, будто бы город этот состоит из прямых линий и острых углов, но немому все виделось иначе. Он не искал в нем корысти и красоты, и, возможно, оттого ему казалось, что город выстроен неровными concentрическими кругами. Он шел по этим кругам, поначалу они были столь велики, что требовали нескольких часов для их прохождения. Он миновал мосты, пышные дворцы, сады и дивные соборы, но затем круги сузились и вскоре замкнулись в пространстве между тремя каналами. Постепенно в этом блуждании он увидел некую цель, круги вели его вверх по спирали, и каждый из витков давался ему все труднее. Но немой был упрям и продолжал взбираться по лабиринту переулков со смешанными названиями старых ремесел и новых имен. Затем в его восхождении что-то нарушилось, и он потерял дорогу.

Был тот самый час, когда день уже иссяк, но вечер еще не начался, и город, прежде распадавшийся на камни, воздух, улицы и трамвайные линии, обретал внутреннюю цельность. Станным казался этот город, его

ветры, рассеивающие тени по незамерзшей воде, его торопливые люди и невысокие набережные, еле сдерживающие большую реку. И немой тоже вел себя странно. Иногда он останавливался и подолгу смотрел на двери и окна грузных домов, слушал говор прохожих и не понимал, о чем они говорят. Ему нравилось глядеть им в глаза, идти им навстречу и за ними следом, но люди скользили мимо, обгоняли и отставали от него, никто не был с ним вровень и не отвечал на его присутствие. Никто не искал и не слушал его шагов, не спрашивал, кто он и зачем, город был насыщен до предела, и в нем не было места лишнему телу. Немой искал, за что уцепиться и куда пристать, но скользкие перила и сточенные стены так же равнодушно избегали его прикосновений и скучающе ожидали, когда его вынесет за их пределы.

Тогда он подумал, что делает что-то не так, вопреки обычаю, и остановился. Людской поток выбил его из теснины стремительного проспекта, и в переулке, растянутом между площадью и каналом, он замер. Только сейчас он понял: город столь велик, что каждого человека он видит единожды, все они исчезают навсегда в подворотнях домов и судеб, — и ему стало жаль их. Каждый прохожий, старик, девушка, ребенок казались ему потерянными, лица, к которым он успевал привыкнуть за несколько секунд совпадения, не обогащали, но размывали его память, в этом городе не было повторения, все было моментальным и распадалось при малейшем прикосновении.

Тогда он пошел в ту часть города, где давно уже никто не жил и дома существовали сами по себе в своей отдельной жизни. Впереди себя немой увидел темное пространство арки и вошел во двор заброшенного углового дома. Он сразу же узнал этот дом — некогда здесь жила

одна праведная блудница. Во двор убегали тени, он шел вслед за ними, в дальнем углу горел случайный фонарь, и его свет лишь оттенял черноту внутреннего убранства. Слева была двухэтажная пристройка. Он поднялся на второй этаж и стал искать комнату с уродливым тупым углом и убегającym во тьму острым. Все двери легко открывались, иные, сорванные с петель, стояли прислоненными к стенам, под ногами хрустели обои, штукатурка, в голову ударил затхлый запах покинутого жилья. Он наткнулся на мебель, продирался через завалы диванов и шкафов, ноги ступали на тетрадные листы и пыльные газеты с сочным портретом и кратким жирным именем, но комнаты нигде не было. Немой вышел на лестницу и поднялся на третий этаж, в то крыло, где дом смотрел на канаву. Здесь было просторнее, и на пол ложились бледные полосы света от редких фонарей на той стороне канала. Он поднялся на чердак, где пахло старым сеном и к верхней балке была привязана веревка, петлей спускавшаяся вниз. Из окошка сверху падал отраженный в низком небе свет. Немой подтянулся на балке и вылез на скользкую крышу, к ее гребню вела тесная лесенка.

Сверху город показался ему совсем иным, чем внизу. Он видел неровные склоны сизых крыш, разбитые окна и далекий свет жилых кварталов. На город давило небо, изрезанное обледевшими проводами, и вдавливало улицы и дома в болотистую землю, и немой ужаснулся, как могут люди здесь жить и не замечать этой тяжести. Он стоял на лесенке, распрямившись и удерживаясь на ветру, но затем, когда из темного провала двора стал пониматься густой пар, он попятился, взмахнул руками и стал неестественно медленно опускаться, опрокидываясь всем телом в пустоту. На самом краю крыши ему удалось вжаться ногтями в какую-то скобу и замереть.

Он пролежал так довольно долго, сил подтянуться у него не было, и немой чувствовал, как медленно оползает к краю. А пар из котельной все шел и шел, и уже нечем было дышать, и немой разжимал пальцы, нехотя отпуская потеплевшую скобу.

С реки задул ветер, заметался по проспектам и переулкам, разогнал дым, и немой увидел слева от себя кусок провода. Он ухватился за провод, повис на нем; ветер, зло и яростно ища выход из тесного пространства двора, вытолкнул его тело наверх, и немой скатился в провал на крыше. Из порезанных рук сочилась кровь, немой спрятал руки под себя и стал греть их. Ему было легко и непривычно, и, даже лежа чувствуя, как кружится голова, он забылся. В забытьи ему почудились голоса голодных, похожих на старичков детей, которые смотрели на него и покорно усыпали на холодных матрасах.

От этого холода немой очнулся и почувствовал, что хочет пить. Где-то в доме капала в лохань вода. Он пошел на звук, осторожно отталкиваясь от стен. Звук порою приглушался, совсем исчезал, но затем снова возникал, становился отчетливым, почти визжащим, и промежутки между падениями и разрывами капель казались невыносимее самих ударов воды о воду. Немой шел от коридора к коридору, дом гнал его сквозь строй разоренных жизней, вырванных с мясом звонков, оборванных телефонных разговоров, счастливых ночей и ночных арестов, хлебных карточек и казенных вестей. Он искал место, где была вода, но что-то заговаривало его и сбивало с пути. В тишине он услышал, как плачет и зовет женщина, и тотчас же дом отозвался на ее плач, стали клониться стены и задрожали доски под ногами. Поднявшийся ветер поволок по полу газетные листы, раздувая, как полотнища, портреты лукавых вождей

в защитных френчах. Он бросился прочь, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал, обдирая руки. Дом не стал его задерживать, по шаткой лестнице немой сбежал во двор и успокоился. Пить больше не хотелось, жажда сменилась мыслью о воде, мысль превратилась в воспоминание, а потом ее совсем не стало.

Во дворе горел костер. У огня спиной к дому сидел старик и играл на рожке заунывную мелодию. Он подошел к старику и стал вслед за ним смотреть на огонь. Старик почувствовал чужое присутствие, перестал играть, но оборачиваться медлил. Немой подошел ближе, заглянул в лицо старика и в растерянности протянул ему монету. Старик покачал головой без обиды и сожаления и отстранил его руку. Немой сел рядом на ящик и закурил. Старик молчал, лицо его не выражало досады, он сидел, сцепив перед собой руки и полузакрыв глаза. Немой почувствовал благодарность к его деликатности и, не зная как, но испытывая потребность высказать ее, отошел в сторону и подбросил в костер несколько досок. Старик протянул руки к огню, и иссохшие пальцы с черными ногтями блаженно вздрогнули от ласки дыма. Немой смотрел на его изуродованные руки и думал о том, что слишком долго жил среди меда, пчел и душистых трав и не знал, что где-то есть иная жизнь, и теперь, сталкиваясь с ее памятью, истоптанным снегом, гололедом и огнем, он ничего в ней не понимает и не может войти как равный.

Старик меж тем подошел к дому и стал слушать. Молчание разделявших их нескольких метров стало невыносимым, и немого потянуло изнутри крикнуть, что там в доме кто-то остался и ждет, так плачет женщина, и чтобы не видеть того, что произойдет, он сунул руки в огонь и, задохнувшись от боли, вонзил их в снег. Но и тогда он услышал, как старик шагнул на лестницу,

поднялся на ступеньку, и вслед за этим лестница не выдержала, надломилась и рухнула. Старик поднялся и, не отряхиваясь, пошел со двора.

Костер потух внезапно, без признаков агонии, словно что-то нарушилось в законах горения. Немой посидел еще немного над остывшим кострищем и пошел дальше.

Он долго шел по змеиному ободу канала, переходя с одной стороны на другую и нигде не задерживаясь. К ночи город избавился от всего лишнего, наносного, смирился и возвысился, и ему стало жутко в этой чистой пустынности. Он вспомнил о том, что его могли уже хватиться и начать искать, и эта мысль заставила его идти все быстрее. Он почти бежал, хоронясь в глухих переулках, переводил дух в тени и быстро проходил через полосы света. Раньше он мог затеряться, смешаться и сойти на нет в городских круговертях, но теперь он был беззащитен и раздет под пристальным взглядом фонарей. Он догадывался, что город может в любую минуту отказать ему в укрытии, выдать его в руки тех, кого он бежал. И его привезут обратно на сытую пасеку, где пчелы обирают мед и время и прячут их в ульи, где никогда не бывает холода и войны и единственную боль приносит редкий укус раздраженной пчелы. И никогда больше он не найдет в себе силы уйти оттуда и проживет долгие, безгрешные годы среди людей, давно потерявших нужду произносить слова.

Он покинул улицу и пробирался по длинным проходным дворам, тянувшимся параллельно мостовым. Сверху доносились людские крики, там пили, ели, увеселялись, ссорились и сходились, сжигали деньги, слова и самих себя. Иногда эти же люди встречались ему внизу, группы подростков с нелепыми прическами и металлическими побрякушками, тревожные женщины и шальные

девицы. И над всем этим была музыка злых и жестких звуков и мыслей, от которых пахло тем же разорением, как от портретов в брошенном доме. И эта музыка подчиняла немому, его тянуло к ее людям, он пытался обратиться на себя их внимание, но снова никто не замечал его, и немой проклинал свое молчание.

Дорогу ему внезапно преградила площадь. Мелкий снег косо летел от фонаря к фонарю, площадь была необычайно просторна и чиста, немой замедлил шаги, осторожно осязая непривычную гладь под ногами. Все плыло перед глазами от голода и усталости, немой стоял напротив сияющего дома, где снова была та же музыка, и не решался войти. Потом толкнул дверь и очутился в прокуренном коридоре, где его встретил гладкий мужчина с холеными руками. Он смотрел на немого презрительно и зло, и, чувствуя, что его сейчас выставят обратно в холод, немой неуклюже полез в карман и долго искал деньги. Мужчина так же лениво и презрительно взял их и отвел немого за столик в самом центре грохочущего зала. Ему принесли вина и еды, и, оглушенный, разом забывший о голоде, он стал пить. Вокруг слышалась иностранная лающая речь, женский смех, шелест купюр, чирканье зажигалок и скользкий шепоток. Немой сидел на краешке стула и думал свою думу. Он знал, что к нему должна подойти развратная женщина и сесть за стол. Это будет страстная, горькая женщина с мукой в глазах и распушенными черными волосами. И они допьют вино, женщина ободряюще кивнет ему и поведет к себе домой. Там он покажет ей самое ценное, что у него есть, — золотой медальон, выменянный когда-то очень давно у беженки на мед, и глаза женщины сделаются маленькими и жадными, она возьмет медальон, и после того, что произойдет, он заговорит. Она научит его говорить чисто и красиво, и тогда он спасет ее от

разврата, он спасет весь этот город, всех его измученных, усталых людей, он расскажет им про иную жизнь, и сила его слов будет столь велика, что мир разом переменится и станет таким же целебным и благоухающим, как мед.

Он увидел ее в глубине зала, она сидела с какими-то невообразимо пошлыми, лоснящимися людьми, и, качаясь, немой пошел прямо туда. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как холеный мужчина схватил его и поволок к выходу. Немого обдало волной смешанных хохота и брезгливости, и он стал медленно сползать к ногам вышибалы. На скользкой уличной сцене он упал на лед и затих. С него осторожно сняли часы, обшарили карманы, вынули из-за пазухи медальон, оттащили тело в сторону и оставили лежать. Когда люди в черных полущубках отошли и ласковый гул мотора стих, он привстал, оглянулся и скользнул в проход между домами. Улица, куда он вышел, несколько раз изогнулась, отбрасывая его от стенки к стенке, но затем выпрямилась и стала спускаться вниз. В конце она точно бросалась в канал, но у самой воды одумывалась и замирала. Немой тоже остановился и долго смотрел на воду, по которой стелился грязный пар.

Стало холодно, и он медленно побрел через город. Дом показался внезапно, мелькнул в стороне, но немой успел разглядеть его и, перейдя по деревянному мосточку, вошел в подворотню. Он попытался заново развести костер, но пламя, не успев взяться, гасло. Тогда он вспомнил, каким оно было несколько часов назад, и присел на ящик. Холод, такой неприятный, покуда он шел по ветреным набережным большой реки, стал дурманить, ласкать его и клонить голову. Немой чувствовал, как теряет свое здоровое, сильное тело, но не испытывал к нему никакой жалости, ему стало свободно

и легко, как будто он долго кувыркался в стогах июльского сена. Но вдруг что-то разом оборвалось, тело стало сырым и тяжелым, и он упал на снег. Немой поднял голову и увидел над собой женщину. Это была та самая женщина из ресторана, но много постаревшая.

— Пойдем, — сказала она, — уже поздно.

Немой не шевелился.

— Пойдем же, — повторила она устало, — тебя могут забрать.

Он вспомнил грубые руки в перстнях, тело собаки на мостовой, брезгливые, сытые голоса, вздрогнул и пошел за ней. Она вела его за руку по надломленной лестнице, по дому, где он бродил и искал Сонину комнату, но теперь дом чем-то переменялся, точно расступаясь перед его провожатой. Присмирели и неподвижно лежали газетные вожди, и свободным был проход через длинные сквозные коридоры. Квартира, куда они пришли, была невелика, это была даже не квартира, но две расчищенные смежные комнаты прямо над котельной. В одной из комнат горела на столе керосиновая лампа и отбрасывала у темноты несколько стульев и диван. Немого зазнобило, и, не отпуская руку женщины, он упал и затих.

После озноба начался жар, и ему опять захотелось пить. Он сбросил тяжелое одеяло и стал искать глазами, где может быть вода. Женщина принесла ему кружку и молча поставила на табуретку. Он пил невкусную, мутную воду, пил долго, как мог, лишь только б оттянуть необходимость объясниться. Но женщина ни о чем не спрашивала его, она сидела вполоборота к лампе и вязала. Немой стал искоса разглядывать ее. В темноте он не мог видеть ее склоненного лица и определить, сколько ей лет, но изредка останавливавшиеся кисти рук привлекали его внимание. У нее были изящные,

озябшие руки с исколотыми пальцами и даже издалека видимыми прожилками вен на запястьях.

— Ты немой? — спросила женщина, не отрываясь от вязанья.

Он кивнул и не отвернулся. Он не почувствовал в ее голосе любопытства или испуга и, сцепив дернувшиеся руки, сосредоточился в ожидании. Она подняла голову от вязанья, подошла к окну и проговорила:

— Я вот тоже как немая стала... Нет здесь никого. Раньше ноты брала переписывать, люди приходили, а теперь глаза не видят.

Женщина подошла к керосиновой лампе, скрутила из бумаги жгут и подожгла его. Так же молча и неслышно приблизилась к углу и зажгла лампадку, в ее крохотном красноватом свете немой увидел два потемневших лика, обрамленных серебром. Женщина долго стояла перед образом, потом повернулась и устало заговорила:

— Муж как с войны вернулся, прожил со мной полгода и затосковал. У нас перед самой войной сыночек родился. Уж я как потом себя изводила — не отпустила его, думала, со мной целее будет, и он зимой-то и помер. Я мужу писать ничего не стала, думала, ему и так там тяжело, а если что случится, все лучше знать: сын у него остался. А он как пришел, видит, сына нет, и говорит мне: «Что ж ты, сама живая, а сына не уберегла?» А у меня и слез-то плакать не было. Я как потом жила: и пила, и по рукам ходила, и топиться хотела, все на сердце тоска. Муж ушел, потом я опомнилась, искать его стала, а его посадили, даже не сказали, за что. Уходи, а не то и тебя возьмут. Потом опять приходили, спрашивали, не возвращался ли он. Я говорю: нет; а они мне: вернется, заявите нам. И всё. Потом уж много лет прошло, дом на ремонт поставили, меня выселить хотели; а куда я пойду? — он сюда вернется, больше некуда.

Тут комната одна есть, жуткая, перекошенная, там вода капает, за ночь набегает полведра. Только вот худо — слепнуть я стала, все во двор глядела, да видно, недогляделась. Сгинул где или забыл... Ты чего трясешься, глупенький? Ведь и сказать ничего не может. Ты не горюй, от слов-то зло одно, еще намаешься...

Немой смотрел на ее руки и вспоминал почерневшие, изуродованные руки старика. Он уже давно все понял, но каждый человек встречается в городе единожды, и ему стало покойно при мысли о том, что он имеет право ничего не говорить, не принимать в себя судьбу другого человека, выскользнуть и не знать за собой вины. Но тотчас же его обожгло другое, очень тревожное ощущение, прежде незнакомое, он почувствовал, как непослушный язык шевельнулся во рту иначе, чем обычно, как доверчиво прижался он к нёбу и округлились губы, и усилием воли он сдержал свой человеческий крик. Он сжимал зубы и кусал язык, на глазах выступили слезы, и он застонал. Женщина подошла к нему, обхватила руками его голову, прижала к себе, и день, такой же громадный и бездонный, как город, воскрес в его сознании. И он понял, что стал причастен к его тревогам и невзгодам, что его голос — это люди и дома, эта женщина, блокадные дети, надломленная лестница, старик, каналы, Соня, скользкая сцена и кострище во дворе... Он не знал, что скажет им, чем утешит, в тот момент, который он вымаливал вдали от людей, он не находил ни одного подходящего слова и только услышал, как прошептал, точно сорвалась капля воды в лохань:

— Больно.

Тараканы

У нас на кухне жили тараканы. Днем они где-то прятались, а вечером вылезали наружу. Когда тараканчики встречались, они обнюхивали друг дружку, шевелили усами и ползли дальше по своим тараканьим делам. Папа их очень не любил. Когда он видел таракана, лицо его становилось таким несчастным, будто ему капали в нос алоэ. Мне было жалко папу, но еще жалче таракашек. Потому что как их только не убивали! Травила их мама. Папа даже смахнуть таракана со стола боялся. Зато мама их жгла, била тапкой, поливала кипятком и посыпала плохим порошком. После этогодохлые тараканы лежали кверху лапками по всей квартире. Мама ходила с совком и веником и подбирала их. Но через несколько дней тараканы приходили снова. Папа говорил тогда, что бороться с ними бесполезно, потому что дом у нас панельный и они все равно будут приползать из других квартир.

Я бывал очень рад, когда тараканы возвращались. Потому что мне с ними было интересно. Так же интересно, как, например, с бабочками или кузнечиками. Однажды, когда мама снова начала войну против тараканов, я собрал их в баночку, чтобы спасти от вредного порошка. Тараканы жили в баночке несколько дней, а я бросал им крошки и смотрел, как они их поедают

и смешно карабкаются по стенкам. Но потом мама нашла мою банку и выбросила ее. Я очень огорчился и заплакал. Я немного поплакал, а потом увидел, что мама тоже плачет. Я подумал, что и ей стало жалко тараканчиков. Я подошел к маме и стал говорить ей, чтобы она не плакала, потому что они опять скоро вернутся. Но мама заплакала еще больше, и тогда из комнаты вышел папа. Мама стала говорить ему, что ей очень тяжело, она устала одна с хозяйством, папа ее совсем не понимает, у него свои интересы и даже ее собственный сын против нее. Это была неправда, и я так и хотел ей сказать, но папа взял меня за руку, вывел из кухни и сказал, чтобы я шел гулять.

И я пошел к Славке. Славка — мой лучший друг. Мы с ним дружим уже целых полгода. Мы ходим со Славкой на речку и ловим там рыбу. Но с рыбой нам не везет. Это потому, что у нас нет настоящих удочек. Я давно прошу, чтобы мне купили удочку в магазине, а мама говорит, что у меня нет зимнего пальто. Но я же не собираюсь ловить рыбу в зимнем пальто! С речки мы идем к Славке домой и сушим на батарее носки и сапоги. У Славки дома всё очень здоровски. У него есть немецкая железная дорога, настольный хоккей и еще одна штукавина, которой нет ни у кого в городе. Это такая приставка к телевизору, а в ней разные там игры. Ее включаешь в телевизор, а по экрану начинает летать мячик, который надо успеть отбить. Вначале я все время проигрывал Славке, потому что он уже натренировался, а я нет. Но теперь мы играем на равных. Иногда с нами играет Славкин папа. Мне очень нравится Славкин папа. Он высокий и с большой светлой бородой. Мне вообще все дядьки с бородами нравятся, потому что они добрые. Я иногда говорю папе, чтобы он тоже завел себе бороду, но папа меня не слушает, начинает сердиться.